

УДК 343

**АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ:
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Упоров Иван Владимирович,
д.и.н., к.ю.н., профессор,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru

Аннотация

Противодействие преступности является одной из важнейших функций в каждом государстве, при этом ее реализация осуществляется в каждой стране со своей спецификой и с учетом исторических эпох. В статье рассматриваются особенности антикриминальной политики российского государства в период XVI- XVII вв., когда, собственно, на системной уровне в правовой истории России эта политика стала целенаправленно формироваться и получать правовое регулирование. Анализируются научные труды, где затрагивается данная проблематика, соответствующие нормативно-правовые акты, и прежде всего Соборное уложение 1649 г., Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах 1669 г. и др. Отмечается, что в данный период существенно усовершенствовалась правоприменительная деятельность Московском государстве в области борьбы с преступностью, создана система правоохранительных органов, в числе которых важнейшее место имел Разбойный приказ.

Ключевые слова: борьба с преступностью, государство, Уложение, антикриминальная политика, приказ, воеводы.

**ANTI-CRIMINAL POLICY IN MOSCOW IN THE STATE:
ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECT**

Uporov I.V.,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
uporov@list.ru

ABSTRACT

Combating crime is one of the most important functions in every state, while its implementation is carried out in each country with its own specifics and taking into account historical eras. The article examines the features of the anti-criminal policy of the Russian state in the period of the 16th-17th centuries, when, in fact, at the systemic level in the legal history of Russia, this policy began to be purposefully formed and received legal regulation. Scientific works

are analyzed that touch upon this issue, relevant legal acts, and above all the Council Code of 1649, New Decree Articles on Tateb, Robbery and Murder Cases of 1669, etc. It is noted that during this period the law enforcement activities of the Moscow City Council have significantly improved state in the field of combating crime, a system of law enforcement agencies was created, among which the Robber Order had the most important place.

Keywords: fight against crime, state, Code, anti-criminal policy, order, governors.

С созданием Русского централизованного государства (XV в.) определенным образом стал меняться статус правящей элиты - теперь он формировался не только из московских бояр и дворян, но также из высокосоциальных лиц других княжеств, вливавшихся в единую систему правящего слоя. Как отмечается в литературе, «в состав служилого московского боярства вливались и составляли его верхушку бывшие удельные князья. Боярство становилось чином, который жаловался великим князем лишь самым знатным, богатым и влиятельным лицам, главным образом, бывшим удельным князьям. Помимо этого значительно усиливалась роль более мелких собственников - детей боярских и дворян, которым давалась земля и другие льготы как залог их верной службы царю и высшему властному эшелону» [1, с. 259].

И именно из этих категорий формировались как руководители, так и основная часть служащих централизованных госучреждений (приказов), а также воеводств, губных и земских изб, силами которых, собственно, и осуществлялась борьба с преступностью в стране. Укрепление властных полномочий дворянства нашло отражение в Уложении 1649 г. [2] (вошедшее в историю как Соборное уложение), где право владеть землей закреплялось за «служилыми людьми» (тем самым некоторым образом ущемлялись права боярской аристократии). Соответственно представители властной элиты обладали, среди прочего, правом вотчинной юстиции, хотя и ограниченным. Следует заметить, что наибольшее количество преступников в Московском государстве являлись представителями низших сословий (крепостные крестьяне, слуги, черносошники, ремесленники и др.) - именно они составляли большинство населения. Их социальное положение было настолько сложным, что становилось причиной совершения ими преступлений, а некоторых случаях речь шла о массовом совершении бунтов, являвшихся преступлениями против государства (например, восстания под предводительством Болотникова и Разина).

Одновременно представители правящего класса обладали определенными привилегиями с точки зрения привлечения к уголовной ответственности, в том числе с использованием своего служебного положения. Далее, нужно отметить усиление крепостничества (начиная с Ивана III, определившего известный «юрьев день»), здесь же нужно сказать о тяготах многолетней Ливонской войны, об эпидемиях, которые приводили к массовому разорению крестьян и запустению многих уездов. Такое положение не могло не ухудшать общую криминогенную обстановку. Исходя из этого, государство принимала меры обеспечению установленного правопорядка. При этом существенное место занимали административные меры, направленные на более жесткую регистрацию всего населения по месту жительства и означавшие, фактические через укрепление того же крепостничества [3, с. 27].

Так, в 1592 г. была проведена перепись земли и живущих на ней крестьян, а спустя почти век, уже при Борисе Годунове, был издан указ о розыске беглых в течение пятилетнего срока и возвращении их бывшим владельцам (затем администрацией Василия Шуйского указанный срок был увеличен до пятнадцати лет), а Уложение 1649 г. «фактически полностью оформило закрепощение крестьян» [4, с. 12] (беглых можно было

разыскивать возвращать прежним владельцам без урочных лет, причем вместе с семьями и имуществом). Соответственно беглый крестьянин считался преступником, он подлежал суду своего хозяина по всем делам, за исключением ряда преступлений (против церкви, против государства, убийства, разбой, кражи). На ухудшение криминогенной обстановки в России начале XVII в. повлиял период Смутного времени, и это вполне объяснимо, поскольку при ослаблении государства (а оно ослабло значительно) вырастает интенсивность преступной деятельности.

В таких условиях, когда отсутствовал единый легитимный центр власти, конечно, не могло быть и речи о системном противодействии преступности, усиливавшейся, в частности, из-за внезапно возникшей вольница некоторых категорий населения, например, казаков, которые некоторое время были хозяевами той территории, на которой они располагались, и в литературе в этой связи даже указывается, что «даже цари стали испытывать обоснованный страх перед лицом преступности» [5, с. 33]. А дореволюционный историк Н. Шалфеев цитирует письмо Михаила Романова, где указывались «убийства, грабежи и насилие» во множестве, и требовал, чтобы такие злодеяния прекратились [6, с. 18]. Ю. Крижанич по этому поводу писал: «Несть диво, что на Москве есть так много воров и разбоев и людоморства; но паче есть диво какое еще люди праведны могут на Москве жить» [7, с. 135].

Ситуация стала постепенно стабилизироваться лишь с 1620-х гг. – вместе с установлением признанной большинством правящей элиты царской власти из династии Романовых. Такое развитие государственности во многом способствовало тому, что в конце XVII в. в России по сути уже образовалась абсолютная монархия (самодержавие), создание которой не поколебала деятельность земских соборов, которые, с одной стороны, были проявлением некоторой демократии в России, но, с другой стороны, земские соборы не способствовали эффективному управлению государственными делами в текущем режиме, учитывая, что территория России к тому времени уже была самой большой в мире.

При этом фактически вся власть в абсолютной монархии находилась у правящей элиты, направляющих деятельность самодержца в интересах господствующего класса (аристократия, крупные собственники, крупное чиновничество), а царь являлся лишь представителем и защитником интересов этого класса. Абсолютизм определенным образом скорректировал политику государства в сфере противодействия преступности, в частности, его следствием стало ужесточение санкций в нормах уголовного законодательства того времени, например, даже за относительно незначительные правонарушения виновные ссылались в отдаленные места. Новоуказные статьи 1669 г. [8] уже не проходили экспертизу представителей разных сословий на земских соборах, как это было с Соборным уложением 1649 г. а между тем в Новоуказных статьях определялись санкции за совершение общеуголовных преступлений. таких, как кража (татьба), разбой, мошенничество, убийство и др. (причем, как в сторону смягчения, так и в сторону ужесточения наказания. то есть речь шла о более тщательной дифференциации уголовно-правового воздействия).

Кроме того, новым законом более четко определены органы, которые должны были пресекать преступления, задерживать виновных и проводить следствие. Так, из ст. 1 и 2 вытекало, что руководство борьбой с преступностью возлагается на Разбойный приказ, то есть центральный государственный орган, а значимость выборных губных старост, которые на местах ведали этим делом, некоторым образом принижалась. Местные органы, включая воевод, должны были действовать «по наказам из Разбойного приказа», из которого при необходимости присылались сыщики. В литературе справедливо отмечается, что «Новоуказные статьи значительно изменили уголовно-судебное право Уложения, особенно организацию суда по рассмотрению дел о краже, разбое и убийстве: выборные губные старосты стали подчиняться особым сыщикам, назначаемым от правительства; губные

целовальники были заменены дьячками, также назначаемыми правительством» [9, с. 181]. Здесь же нужно заметить, что к концу XVII в. «дворцово-вотчинная система управления, выражавшая интересы боярства, окончательно вытесняется сложной системой приказов, бюрократических органов центрального управления, бывших уже по своему составу выразителями интересов поместного дворянства. При Алексее Михайловиче количество приказов достигло максимальной цифры (около шестидесяти). Было создано полтора десятка новых приказов: Тайных дел, Рейтарский, Монастырский, Смоленский, Малороссийский и др.» [10, с. 126].

В контексте нашего исследования выделим Тайный приказ, основная функция которого состояла в концентрации в руках царя негласного надзора над всем государственным управлением, в том числе над Боярской думой [11, с. 204]. Тайный приказ ведал также разбирательством по делам по преступлениям против государства, причем преимущество таких уголовно-политических дел, где были замешаны высшие чиновники. С тех пор такой орган государства (прообраз органа государственной безопасности) будет непременно присутствовать в структуре государства. На этом фоне губные земские учреждения окончательно уступали место воеводско-приказному управлению. Тогда же в Москве стали формироваться городские правоохранительные учреждения («объезжие головы» и др.), которые в дальнейшем трансформируются в полицию. В этом контексте следует отметить, что в сфере противодействия преступности на общероссийском уровне ведущую роль имел упомянутый выше Разбойный приказ. На местах борьба с преступностью возлагалась на воевод и губные учреждения. При этом полномочия воевод определялись специальными наказами, в которых регламентировались действия воевод, в том числе в сфере борьбы с преступностью [12, с. 64].

Наказы предоставляли воеводам огромную самостоятельность и возможность быстро и оперативно осуществлять свои задачи, прежде всего по подавлению возмущения «черных людей» (городские низы) и крепостных крестьян. В этих целях воеводам разрешалось действовать, «смотря по тамошному делу и своему высмотру», то есть по своему усмотрению. В целом, таким образом, в течение почти двух веков в Московском государстве была существенно реорганизована деятельность по противодействию преступности, которая впервые стала осуществляться на системном уровне, о чем свидетельствует принятие соответствующих законодательных актов и введение в структуру государства действующих на постоянной основе центральных правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Глазьев В.Н. Дворяне и дети боярские Центрального Черноземья: роль в местном управлении в XVII в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв. Тамбов, 2002.
2. Уложение от 29.01.1649 г. // ПСЗ-1. № 1.
3. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.
4. Флоря Б.Н. Об установлении «заповедных лет» в России // Отечественная история. 1999. № 5. С. 121-126.
5. Мельник Е.В. Правовые и организационные основы борьбы с преступностью в период существования приказной системы управления в России (конец XV – начало XVIII вв.). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
6. Шалфеев Н. Об уставной книге Разбойного приказа. СПб., 1858.
7. Крижанич Ю. Разговоры по издательскому делу. Т. 1. М., 1860.

8. Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах от 22.01. 1669 г. // ПСЗ-1. № 431.
9. Свечникова Л.Г., Стус Н.В. К вопросу об источниках уголовно-судебного права Московского государства (XV-XVII вв.) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: «Философия. Социология. Право». 2014. №16. С.175-184.
10. Демидова Н.Ф. Государственный аппарат России в XVII в. // Исторические записки. М.: Наука, 1982. С. 109-154.
11. Дебольский Н.Н. История приказного строя Московского государства. СПб., 1901. С. 204.
12. Елинский В.И. Становление и развитие уголовного сыска в России (X–XX вв.). М., 1997.

References:

1. Glazyev V.N. Nobles and boyar children of the Central Black Earth Region: role in local government in the 17th century. // Social history of the Russian province in the context of the modernization of agrarian society in the 18th-20th centuries. Tambov, 2002.
2. Code of January 29, 1649 // PSZ-1. No. 1.
3. Ostroumov S.S. Crime and its causes in pre-revolutionary Russia. M., 1980.
4. Florya B.N. On the establishment of “reserved years” in Russia // Domestic History. 1999. No. 5. P. 121-126.
5. Melnik E.V. Legal and organizational foundations of the fight against crime during the period of existence of the command system of management in Russia (late 15th – early 17th centuries). dis. ...cand. legal Sci. M., 2002.
6. Shalfeev N. About the statutory book of the Robbery Order. St. Petersburg, 1858.
7. Krizhanich Yu. Conversations on publishing. T. 1. M., 1860.
8. Newly decree articles on tateb, robbery and murder cases dated 22.01. 1669 // PSZ-1. No. 431.
9. Svechnikova L.G., Stus N.V. On the question of the sources of criminal judicial law of the Moscow state (XV-XVII centuries) // Scientific bulletins of the Belgorod State University. un-ta. Series: “Philosophy. Sociology. Right”. 2014. No. 16. P.175-184.
10. Demidova N.F. State apparatus of Russia in the 17th century. // Historical notes. M.: Nauka, 1982. pp. 109-154.
11. Debolsky N.N. History of the order system of the Moscow state. St. Petersburg, 1901. P. 204.
12. Elinsky V.I. Formation and development of criminal investigation in Russia (X-XX centuries). M., 1997.